

ценную реальную подробность: «Сей блаженный и Костянтина града ражай и въспетание русскый же и мерьскый язык добре у мене яше, книгам руским и греческим велики хытрословесен сказатель, от уности оставив мир и бысть черноризецъ чуден». Для человека XII столетия, слышавшего не раз еще живую речь иноязычного мерянского населения — аборигенов Владимирской Руси²³, это пояснение было вполне закономерным: Леонтий проповедовал в Мерянской земле.

Так, по «Житию» оказывается, что Леонтий — не печерский монах-киевлянин, а грек, уроженец «Костентина града»²⁴, откуда он был поставлен на ростовскую епископию следом за «первыми» епископами Федором и Иларионом. «Греческое происхождение» Леонтия облегчало решение вопроса о его канонизации (канонизация русского епископа встретила бы сопротивление митрополита-грека и патриарха), а также давало понять, что и его предшественники — также царьградские выходцы, поставленные якобы непосредственно патриархом. Этот мотив уже откровенно и обстоятельно развивался в последующих пространных III и IV редакциях «Жития», где греческие епископы, прибывшие во Владимир, ставятся на новые кафедры и епископ Федор посылается с князем Борисом в Ростов, где и строит первую церковь²⁵. В этом своем утверждении владимирский автор мог, правда, сослаться на «Сказание о Борисе и Глебе» епископа Лазаря, который утверждал, что «самодръжецъ всей русьскей земли» Владимир «святыимъ крещениемъ въсю просвети сию землю русьску»²⁶.

Следовательно, Леонтий — не первый епископ, а преемник двоих предшественников, также греков, лишь завершивший начатое ими дело христианизации Северо-Востока²⁷. Это и заставило отказаться от действительных фактов: убийство Леонтия язычниками еще более подчеркивало бы фиктивность творимой к вящей славе Владимирской земли легенды.

Так был составлен «документ», утверждавший, что ростовская епископия искони была подведомственна непосредственно константинопольскому патриарху и имела все основания оставаться автокефальной. «Политическая тенденция автора [жития Леонтия], — пишет исследователь, — сказывается в желании поддержать попытку Андрея Боголюбского получить для Владимира самостоятельную, независимую от Киева епископскую кафедру»²⁸. Хотя Леонтий был канонизован лишь при Всеволоде (1194), Андрей сразу же по открытии «мощей» начал заботиться о его церковном прославлении. При своем Боголюбовском дворце он построил посвященную ему небольшую церковь. Есть основания думать, что в верхней комнате лестничной башни дворца при Андрее была написана фреска,

²³ Е. И. Горюнова. Этническая история волго-окского междуречья. МИА СССР, № 94, 1961.

²⁴ Любопытно название имени Царьграда по аналогии с местным юрьевским «градом Костянтином» — Коснятиним, Скнятиним на устье Нерли.

²⁵ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 2; более пространно в списке Синодальной библиотеки № 90, лл. 164 об. — 165.

²⁶ А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. М., 1893, стр. 12.

²⁷ Стремясь примирить противоречие «Жития Леонтия» и показаний епископа Симона, Макарий предполагал, что Леонтий был действительно грек, но постриженный в Печерском монастыре. В отношении кончины Леонтия исследователь отдавал предпочтение «Житию», так как оно «старше» сведений Симона, и заключал, что Леонтий, «хотя скончался в мире, по тем не менее заслужил венец мученический!» (Макарий. Ук. соч., т. II, стр. 28, 330—331).

²⁸ С. А. Бугославский. Жития, стр. 65; М. Д. Приселков. Очерки, стр. 135—138.